

Глава 14 Сунъянь Мокэ

Хань Минь поспешил успокоить Систему: — Хорошо, хорошо, не буду я так называться.

«И никакой "Красного пиона"!» — продолжал бушевать голос в голове.

— Ладно, и его не будет. Обещаю.

«Правда?»

— Честное слово. Я как раз иду в лавку «Белый камень», по пути придумаю что-нибудь солидное.

Собрав вещи и попрощавшись с господином Гэ, Хань Минь в одиночестве отправился в книжную лавку. Хозяин заведения был занят во внутренних комнатах, поэтому младший помощник, вежливо поприветствовав гостя, проводил его к нему.

Приподняв занавеску и заглянув внутрь, юноша обернулся к гостю: — Господин Хань, присядьте пока на галерее. К нам приехал человек из главного столичного отделения, хозяин сейчас беседует с ним.

Тот согласно кивнул и устроился на деревянных перилах крытой галереи. Помощник вернулся в торговый зал к покупателям, оставив его одного.

Минь сидел, подперев щеку рукой и бездумно болтая ногами, в попытках подобрать подходящий псевдоним. Однако тишина была неполной: из-за плотной занавески то и дело доносились обрывки фраз.

— Положение в Юньани...

— Государь...

— Принц Гун...

Ноги юноши замерли. Он наострил уши, внимательно вслушиваясь в разговор. Как оказалось, речь шла вовсе не о книжных делах.

— С тех пор как Государь занемог, Принц Гун взял бразды правления в свои руки. Он приказал запереть городские ворота. Мне чудом удалось выбраться из столицы еще до наступления Нового года, иначе мы бы в этом сезоне остались без новых образцов печати.

Голос был незнакомым — судя по всему, говорил тот самый гость из Юньани.

В ответ послышалось сочувственное бормотание книжника: — Тяжело же вам пришлось, такая дорога...

Они обменялись еще парой вежливых фраз, после чего хозяин поднялся, чтобы проводить гостя. Хань Минь тут же отвернулся, сохраняя безмятежный вид.

Когда занавеска откинулась и хозяин лавки, завидев юношу, расплылся в улыбке: — О, господин Хань! Давно ждете?

Минь встrepенулся, словно только что очнулся от глубоких раздумий, спрыгнул с перил и отвесил вежливый поклон. Дождавшись, когда столичный гость уйдет, книжник снова обратился к нему: — Вы пришли с рукописью второго тома?

— О нет, — юноша замахал руками. — Господин Гэ передал мне ваши слова насчет имени. Я пришел сообщить решение.

— Вот как? Весьма любопытно. Прошу, я слушаю.

— Пусть будет... — Минь задумчиво потер подбородок и после недолгой паузы произнес: — Суньянь Мокэ.

— О? И какой же смысл вы в это вкладываете?

— Видите ли... — Хань Минь на мгновение отвел взгляд. — Хорошая тушь из сосновой сажи — удовольствие дорогое. С тех пор как мой род пришел в упадок, мне её не видать, вот и тоскую по былым временам. Тушь из ламповой сажи, конечно, тоже неплоха, но называть себя «Писателем на дешевой копоти» было бы странно.

Хозяин лавки рассмеялся: — Что ж, тогда позвольте пожелать вам, господин Хань, поскорее разбогатеть настолько, чтобы в вашей чернильнице всегда была лучшая тушь.

Минь поблагодарил его и, попрощавшись, вышел в торговый зал.

После праздников на полках всё еще лежали непроданные календари. Проходя мимо, он машинально пролистал один из них, прикидывая даты.

В конце концов он покинул книжную лавку.

Домой он шел неспешно: за поясом висел футляр с кистями, в руках — складная скамеечка.

«О чем снова кручинишься?» — подала голос Система.

«Прошло уже больше десяти дней. Фу Сюнь должен был давно добраться до Юньани. А тот человек сказал, что столица на замке. Боюсь, Принц Дин возвращается туда без всякой опаски, не зная, что его ждет. Да еще и на письма не отвечает...»

«Раз уж до тебя дошли вести о закрытии города, неужто Принц Дин мог прозевать такое?»

— Твоя правда.

«Не переживай, он ведь должен стать императором».

— Что значит «должен»? Ты и сама не уверена?

«Именно что должен. Но судьба — штука переменчивая, мало ли какие случайности могут произойти. Но в целом не сомневайся: мои предсказания сюжета еще ни разу не подводили».

Хань Минь тихо проворчал: — Да что толку от твоих предсказаний? Сказала, что Принц Дин будет императором, а кто он такой — молчок. Сказала, что мой дом разорят, а за что — ни слова. Вечно приходится гадать на кофейной гуще.

Система уже собралась огрызнуться, но Минь продолжил: — Он ведь уехал всего с парой стражников. А если по пути на них нападут разбойники? Или кто-то решит выдать себя за Принца?

«Он годами командовал войсками на границе, — устало отозвалась Система. — Его боевые навыки на голову выше любых бандитов».

— А если они нападут исподтишка? Отравой?

«Мозги у него тоже на месте».

— Но вдруг...

«Сказал бы сразу: боишься, что Принц Гун решит избавиться от соперника и приберет к рукам его титул».

— И это тоже. Твои туманные спойлеры совсем не внушают доверия.

Система надолго замолчала.

Наконец она выдала:

«Обычно ты кажешься неглупым, но сегодня тупишь сверх всякой меры. С чего вдруг тебя потянуло на эти бредни?»

Должно быть, Хань Минь и впрямь слишком много накрутил себя. Вернувшись домой и еще раз всё обдумав, он признал, что его страхи едва ли могли коснуться такого человека, как Фу Сюнь.

И всё же он сел за стол, тщательно подбирая слова для нового письма. Распахнув окно, он несколько раз пронзительно свистнул в бамбуковый свисток, но сокол Яньчжи так и не появился в небе.

Птица с его прошлым посланием еще не вернулась.

Хань Минь подождал еще немного и, не дождавсь, вернулся к столу. Спрятав неотправленную записку между страниц своего «Доклада о мире и порядке», он под светом лампы принялся за новую главу — «Пара историй о Государе и цензоре».

В ту ночь он писал долго, подперев голову рукой, пока наконец не уснул прямо над рукописью.

Сон был непроглядным, лишенным границ. Со всех сторон на него накатывали волны голосов — смех, крики, обрывки фраз, в которых он тонул. Это было видение того дня, когда в дом Хань нагрянула стража — кошмар, преследовавший его последние два года.

Хань Минь хмурился и тихо стонал во сне, но никак не мог вырваться из липких объятий тьмы.

А потом кто-то осторожно подхватил его и вынес из этого мрака.

Сквозь пелену забвения он увидел вдаль, за дворцовыми стенами, всполохи яростного пламени.

«Что там... горит?» — сорвалось с его губ.

В ответ он услышал чей-то голос. Это был Принц Гун, Фу Цюань. Он и раньше донимал Фу Сюня, но сейчас его вопль был полон неопикуемой ярости.

— Отец-Император! Третий брат едва вернулся в столицу, а уже спалил мою резиденцию дотла! И всё ради какого-то преступного чиновника! Молю, восстанови справедливость!

Хань Минь попытался разлепить веки, но глаза не слушались.

Где-то позади кричали люди, присланные государем, но человек, державший Миня на руках, даже не обернулся. Он лишь нежно коснулся лбом его лба и тихо прошептал: — Всё хорошо. Спи. Проснешься — и всё будет позади.

<http://bllate.org/book/15310/1355827>